

ББК 60.561.37

Т. Б. Рябова

«ПУТИН VS ОБАМА»: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСКУЛИНОСТЕЙ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Важной составляющей современной российской идентичности выступает антиамериканизм, который имеет различные измерения. Одним из них является гендерное: гендерные образы, символы и метафоры используются, прежде всего, для проведения символических границ между двумя сообществами и поддержания позитивной коллективной идентичности России; кроме того, для обоснования негативного отношения к культуре и политике современной Америки [5].

В статье ставится цель проанализировать, какую роль играют репрезентации двух президентов, Владимира Путина и Барака Обамы, в современном российском антиамериканизме: общественном мнении, глазах россиян и масс-медиа. Источниками будут служить данные полужформализованного интервью (N=20, г. Иваново, август — сентябрь 2014 г.), а также тексты и визуальные материалы, опубликованные в российских массмедиа за период 2012—2014 гг.

Противопоставление лидеров государств имеет большое значение для дискурса международных отношений, в том числе в его гендерном аспекте. В работах по методологии гендерных исследований было обращено внимание на то, что широкое вовлечение гендерных образов во внешнюю политику позволяет легитимировать одни точки зрения и дискредитировать другие [19, р. 53]. В качестве основных причин использования стереотипных представлений о мужественности и женственности в дискурсе международных отношений выступают следующие: эти представления являются устойчивыми, широко разделяемыми в обществе, имплицитно содержат в себе оценку и к тому же легко соотносятся с личным опытом человека [4]. Еще более значимо то, что гендерные стереотипы устанавливают властные отношения по причине, во-первых, иерархии мужского и женского в культуре, во-вторых, соотнесения власти и ее атрибутов (сила, разум, воля, активность, справедливость и т. д.) с маскулинностью, а подчинения и его атрибутов (пассивность, слабость, беспомощность, нерешительность) — с фемининностью [7, 9, 17]. Поскольку маскулинность и ее атрибуты оцениваются в системе координат власти выше, чем фемининность, то характеристика политических акторов, действующих на глобальной арене, с помощью гендерных маркеров ведет к определению их места

© Рябова Т. Б., 2014

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

в иерархии власти [4]: чем более мужественными представляются политики, нации, государства, тем более они соответствуют эталону власти. Следует учитывать и логику ингруппового фаворитизма, исследованную Г. Тэджфелом [18]: качества, маркируемые как маскулинные, приписываются Своим. Все это позволяет использовать гендерные образы и стереотипы как доступные каждому коды в технологиях политической борьбы, как внутри-, так и внешнеполитической.

Само поле международных отношений можно рассматривать в качестве места производства маскулинностей [13, p. 115]. По указанным причинам соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности. Исследователи уже показали распространенность включения в дискурс международных отношений гендерных репрезентаций наций. Например, феминизация мужчин Востока и гипермаскулинизация мужчин Латинской Америки в западном дискурсе обусловлены западнцентристской картиной мира, оказывающей влияние на иерархизацию маскулинностей [13, p. 55]. Феминизация русских, акцентирование их непредсказуемости, иррациональности — популярный сюжет в западном дискурсе о России, отраженный и в общественном мнении [2, 8]; в современной России подобный дискурс используется в отношении Европы, которая называется изнеженной и слабой [6].

Государства как политические акторы также могут маскулинизироваться или демаскулинизироваться (феминизироваться). Иллюстрацией того, как взаимодействие государств может интерпретироваться через призму конкуренции маскулинностей, может служить позиция Д. Миршаймера, видного представителя такого течения в теории международных отношений, как нео-реализм. Все государства, по его мнению, это акторы-мужчины, стремящиеся соответствовать стандарту мужественности; однако «настоящими мужчинами» являются лишь сверхдержавы, которые, в отличие от прочих стран, борются за гегемонию, а не просто за преимущества для себя (см.: [14, p. 31—33]). Если слабым государствам допустимо использовать феминизированные стратегии поведения, то супердержавы в ситуации конфликта обязаны «принять вызов» и победить [14]. Известный термин «ремаскулинизация Америки», используемый в академической литературе для характеристики восстановления маскулинных ценностей в США эпохи Р. Рейгана, также показывает значимость гендерных маркеров в репрезентациях государств [15]. Политику коллективной идентичности, осуществляемую в России в период президентства В. Путина, мы обозначаем термином «ремаскулинизация». Она имеет два измерения: атрибутирование стране маскулинных суверенности, силы, рациональности и создание успешных гендерных моделей, которые соответствовали бы идущим в обществе процессам [16].

Одним из важных факторов маскулинизации международных отношений служит традиция персонифицировать государства при помощи образов их руководителей. Большинство глав государств являются мужчинами, поэтому отношения между нациями изображаются как отношения между мужчинами, своеобразный «мужской разговор» [9, p. 239—241]. Репрезентации мировой политики, как образно пишет Ш. Хупер, напоминают мыльные оперы с определенным набором героев и негодяев, «хороших и плохих парней» [13, p. 88].

Маскулинность лидеров государств оценивается по различным критериям и ранжируется — как обычными гражданами, так и ньюсмейкерами, которые это мнение формируют. Так, социологическое исследование, проведенное в 2010 г., показало, что в глазах россиян преимущество получает тот, чья мужественность оценивается ими выше [16]. Необходимость демонстрации знаков мужественности (например, проявление силы и твердости в отстаивании принципов) настолько велика, что политики нередко становятся заложниками своего имиджа [9]. Состязание глав государств в мужественности нередко интерпретируется как состязание различных типов маскулинности. Дж. Тикнер, опираясь на идею Р. Коннела о множественной маскулинности, показала, что на глобальной арене соревнуются разные модели маскулинности [19].

Как видно из исследований, различные теории международных отношений исходят из представлений о человеке, который олицетворяет различные типы маскулинности. Концепции реалистов и неореалистов имплицитно предполагают, что гегемонным типом маскулинности, воплощающим мужественность в наибольшей степени, является маскулинность мужчины-воина [19, р. 65]. Они основаны на убеждении, что победа в личном противостоянии и доказательство преимущества своей мужественности очевидно взаимосвязаны. Причем оба этих фактора способствуют легитимации маскулинности победившей стороны. В концепциях либералов и институционалистов такой маскулинностью сегодня выступает маскулинность нового буржуазного человека. В постпозитивистских концепциях международных отношений предполагается, что новым типом гегемонной маскулинности становится креативная маскулинность общества, в котором «множество центров власти и каждый субъект является постколониальным героем, своими жизненными силами обновляющим мир» [10, р. 35].

Таким образом, и международная политика, и ее интерпретации исходят из того, что глобальная арена и отражает конкуренцию различных типов маскулинностей, и является фактором их производства. Мы хотели бы высказать предположение, что сегодня на глобальной арене состязание за определение эталонной мужественности идет во многом за счет противопоставления двух типов маскулинности, которые в значительной степени символизируют Путин и Обама¹. И избиратели (как в России, так и в США), и журналисты делают тему их мужественности/немужественности значимой, порой отодвигая на второй план дискуссии об их успехах в решении задач внутренней и внешней политики. При этом оценка маскулинности главы государства влияет и на оценку успешности, состоятельности самого государства. Противопоставление Путина и Обамы стало особенно востребованным в связи с обострением российско-американских отношений в период украинского кризиса 2013—2014 гг. Предметом сравнения становятся черты характера двух политиков, их лидерские качества, интеллектуальные способности, физические

¹ Так, в статье под названием «Хватит с нас крутых парней», опубликованной в «Нью-Йоркере», журналист А. Гопник, выражая поддержку американскому президенту, оценивает маскулинность «крутых парней», которую, по его мнению, на международной арене олицетворяет Путин, как архаичную и опасную [12].

кондиции, внешность, одежда, способы коммуникации, особенности биографии, поведение в той или иной ситуации.

Мужественность президентов оценивается гражданами. Данные общероссийских и региональных анкетных опросов и интервью, проведенных в последние годы (в том числе наших собственных исследований), показывают, что избиратели обычно начинают свой список «настоящих мужчин» с Путина [4, 16]. Среди качеств, характеризующих Путина как мужчину, россияне называют, по преимуществу, стереотипно мужские черты: ум, решительность, твердость убеждений, силу характера, энергичность, физическую силу. Маскулинизация осуществляется и через приписывание ему других маркеров, соответствующих стереотипу мужчины: социальных ролей, фактов биографии, особенностей внешнего вида².

Прежде чем характеризовать репрезентации Путина и Обамы в России, следует отметить, что противопоставление двух президентов намного более популярно в американских медиа. Так, в 2012—2013 гг. в электронных медиа публиковались подборки фотографий и коллажей, на которых были противопоставлены два лидера — работающие, отдыхающие, занимающиеся спортом. Российский президент на них был представлен мужественным, решительным и сильным, Обама — слабым и уступающим Путину по всем показателям (ил. 1).

Ил. 1 [20]

Следует принимать во внимание, что эти снимки тиражировались, главным образом, сторонниками Республиканской партии США с целью делегитимации президента-демократа. Заметим, что представление о настоящей мужественности, отраженное в подборке фотографий, вполне соответствует традиционному типу гегемонной маскулинности мужчины-воина — мужественности, в которой отказывают Обама и которая, по мнению авторов данных

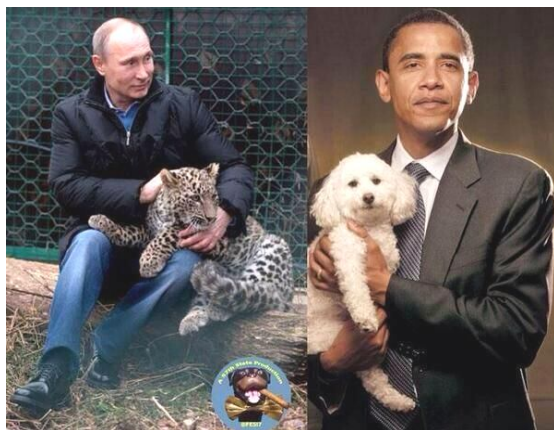
² Мужественность президента важна и для американских избирателей. В нашем пилотажном исследовании 2008 г. в г. Вашингтоне респонденты оценивали мужественность кандидатов в президенты, атрибутируя им практически те же самые характеристики.

изображений, необходима американскому президенту для успешной конкуренции с российским лидером и защиты интересов своей страны. Прореспубликанский телевизионный канал «Фокс ньюс» регулярно выступает с критикой мужественности Обамы, и именно сравнение с Путиным кажется редакторам наиболее убедительным аргументом, например: «Путин — это не о словах, а о поступках, а Обама — это не о поступках, а о словах» (передача от 6 сентября 2014 г.).

Оценки мужественности главы государства регулярно включаются во внутривнутриполитическую борьбу, в том числе в США (скажем, во время первой президентской кампании Дж. Буша-старшего) [10, р. 8—9].

Мужественность Путина — популярная тема на англоязычных сайтах. Одни представляют его сильным, решительным, жестким и отважным (например, в песне «Хочу быть таким же жестким, как Владимир Путин» американской хип-хоп группы A.M.G. [11]); другие полагают, что его мужественность агрессивна, брутальна и старомодна (см., напр.: [12]).

Российские медиа достаточно долго не инициировали подобные сравнения, хотя многие ресурсы перепечатали указанный набор снимков и коллажей, подчеркнув, что именно американцы отдают предпочтение мужественности российского, а не американского президента. В условиях нарастания противостояния с США в период украинского кризиса возросла и необходимость дополнительной легитимации собственного политического лидера на международной арене.

Ил. 2 [23]

В августе 2014 г. российский вице-премьер Д. Рогозин опубликовал в своем Твиттере две фотографии, получившие широкий резонанс, внушительное количество ретвитов по всему миру и большое число комментариев как в российской, так и в зарубежной прессе, что позволяет интерпретировать сообщение российского политика как элемент дискурса массмедиа. На фотографиях изображены Обама со своей собачкой и Путин, который гладит детеныша леопарда. Подпись к фотографиям гласит: «У нас разные ценности и союзники» (ил. 2).

Наиболее заметным случаем использования оппозиции «Путин — Обама» в российских медиа стало освещение выставки политического плаката «Без фильтров», организованной движением «Молодая гвардия» в октябре 2014 г. [1]. На плакатах противостояние двух политиков изображается в виде поединка: так, авторы неоднократно используют образ Путина-дзюдоиста (ил. 3). Один из плакатов в качестве причины обострения отношений между двумя странами фактически называет негативные чувства Обамы лично к российскому президенту, он намекает на то, что руководитель США завидует мужественности Путина. Показательно, однако, что, по мнению сторонников Путина,

его преимущество над Обамой — это превосходство не только в физической силе, но и в интеллекте: на одном из плакатов он показан как более умелый шахматист, чем его оппоненты. Обращает на себя внимание привлечение художниками сюжетов, имеющих сексуальные коннотации, в которых мужественность Путина и ее недостаток у Обамы метафорически представлены как мужская потенция и ее отсутствие. Другой традиционный сюжет, выражающий превосходство мужественности — репрезентации оппонента как ребенка (ил. 4).

Ил. 3 [22]

Ил. 4 [1]

Итак, российские медиа используют репрезентации мужественности Путина и Обамы с целью легитимации власти и обоснования права России на независимую внешнюю политику. Материалы нашего интервью помогают понять, насколько такие оценки популярны в общественном мнении. Мы попросили информантов сравнить мужественность Путина и Обамы. Результаты почти не отличались от данных, которые мы получали ранее, в 2007 и 2010 гг., а также от данных всероссийских опросов (обзор опросов см.: [16]). Практически все информанты отдали предпочтение Путину.

Характеристики, которыми они наделяли президента, входят в стереотипный набор качеств «настоящего мужчины». Российский президент описывался как сильный, рациональный, хладнокровный, принимающий ответственность на себя. Обосновывая свою оценку мужественности Обамы, информанты, напротив, использовали характеристики, которые являются частью стереотипа женственности. Американский президент предстает в этих описаниях как слабый, эмоциональный, нерешительный, избегающий ответственности и т. д.

Путин более мужественный, сильный, рациональный; он умнее, и на него можно положиться (Дмитрий);

Умнее Путин, все четко продумывает. Путин — мужик, а Обама только селфи делает на похоронах и ведет себя как дурачок (Анастасия);

Мне кажется, Путин ответственнее, все поступки у него обдуманные, рациональные (Татьяна);

Обама... Слишком женственный и истеричный (Валентина).

Следует подчеркнуть, что ни пол, ни возраст, ни образование не стали дифференцирующими факторами в оценке российского президента. Поддержка была скорее единой. Половина информантов-женщин заявили, что хотели бы видеть такого мужчину, как Путин, в качестве спутника жизни.

Показательно, что участница интервью, не поддерживающая президента в силу политических убеждений, не усомнилась в мужественности Путина, хотя и дала ей совсем другую оценку:

Путин мужественностью и напускной бравадой компенсирует скверную внутреннюю ситуацию в России... (Анастасия).

Подобные оценки мужественности Путина объясняются не только высоким рейтингом президента, но и ростом уровня ингруппового фаворитизма на фоне сравнения его с президентом страны, которая сейчас воспринимается как откровенно недружественная (см., напр.: [21]). Противопоставляя Путина Обаме, треть информантов подчеркнули специфику национальной мужественности российского президента, используя для сравнения образ «мужика»:

*Путин — это настоящий мужик;
В России мужики. Мужики! А в Америке мужчинки.*

Этот образ стал моделью новой российской маскулинности 2000-х гг., которая постепенно превратилась в гегемонную, определяющую критерии подлинной мужественности. Модель «мужика», создаваемая в противовес репрезентациям как советской, так и западной маскулинности, апеллирует к «подлинной русскости» (о содержании канона см.: [4]). Неслучайно, обосновывая превосходство Путина над Обамой в силе как одним из важнейших атрибутов маскулинности, информанты ссылались не столько на физическую силу президента, его спортивные успехи и опыт службы в разведке, сколько на «моральную силу» и русский характер.

Как уже упоминалось, восприятие событий международной жизни как «мужского разговора» влияет на репрезентации не только взаимодействия лидеров государств, но и самих государств. У участников интервью не вызвала затруднения просьба представить спор США и России в виде личного разговора. Примечательно, что большая часть наших собеседников увидели этот спор именно как разговор мужской. Несколько информантов уточнили и предмет разногласий: два мужчины, Россия и США, сражаются из-за женщины — Украины:

Россия и США — мужики. Потому что, как два мужика, борются за одну бабу (Украину) (Артур);

Два мужчины спорят по поводу Украины. Россия действует прямо и напористо, а США — исподтишка (Юлия).

Лишь однажды США были охарактеризованы с помощью женского образа — стервозной женщины. Что касается России, то вне контекста «мужского разговора» с США две трети информантов посчитали, что России значительно больше подходит ее традиционный образ женщины-матери:

Россия — женщина, потому что есть Родина-мать. Мать никогда не предаст, никогда не откажется от своих детей, потому что сильная и заботливая (Юлия);

Русь-матушка — это, конечно, женщина. Сильная баба: и в огонь, и в воду, защитит и утешит (Анастасия).

Предпочтение женскому образу России в условиях конкуренции на глобальной арене маскулинностей кажется парадоксальным только на первый взгляд. Родина-мать, как показали исследователи, воплощает не традиционные характеристики фемининности, а материнские силу, заботу и защиту — этот символ видится нашим информантам вполне конкурентоспособным [3].

Подведем итоги. Во-первых, поскольку традиционно считается, что власть предполагает обладание стереотипно мужскими качествами, а подчинение обусловлено их отсутствием, постольку превосходство в маскулинности трактуется как показатель превосходства России над Америкой и дает России право, по крайней мере, на независимую политику. Во-вторых, подобные представления, разделяемые общественным мнением и обсуждаемые в массмедиа, прежде всего в Интернете, тем самым вносят существенный вклад в легитимацию гендерного порядка. Успешность национальной маскулинности на международной арене позволяет легитимировать существующие в России гендерные отношения.

Библиографический список

1. Арт-выставка политических карикатур «Без фильтров». URL: <http://mger2020.ru/gallery/2014/10/31/75252> (дата обращения: 01.11.2014).
2. *Рябов О. В.* Национальная идентичность : гендерный аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 300 с.
3. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
4. *Рябова Т. Б.* Пол власти : гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
5. *Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение современного российского антиамериканизма : (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе.* 2012. № 3. С. 21—35.
6. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 3. С. 31—39.
7. *Скотт Д.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 405—437.
8. *Цалко Е. О., Рябова Т. Б.* Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов : (по результатам социологического исследования) // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 2. С. 57—65.
9. *Cohn C.* Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // *Gendering War Talk* / ed. by M. Cooke, A. Woollacott. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1993. P. 227—246.
10. *Ducat S. J.* The Wimp Factor: Gender Gaps, Holy Wars, and the Politics of Anxious Masculinity. Boston (MA) : Beacon Press, 2004. 291 p.
11. Go hard like Vladimir Putin. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GIiSWtVq1r8>
12. *Gopnik A.* No more Mr. Tough Guy // *New Yorker.* 2014. July, 31.
13. *Hooper C.* Manly States : Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York : Columbia University Press, 2001. 297 p.
14. *Hutchings K.* Cognitive short cuts // *Rethinking the Man Question : Sex, Gender and Violence in International Relations* / ed. by J. L. Parpart, M. Zalewski. London ; New York : Zed Books, 2008. P. 23—46.

15. *Jeffords S.* The Remasculinization of America : Gender and the Vietnam War. Bloomington : Indiana University Press, 1989. 215 p.
16. *Riabov O., Riabova T.* Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
17. *Spike Peterson V.* Gendered nationalism: reproducing «Us» versus «Them» // *The Women and War Reader* / ed. by L. A. Lorentzen, J. Turpin. New York : NYU Press, 1998. P. 41—49.
18. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge ; New York : Cambridge University Press ; Paris : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982. 528 p.
19. *Tickner J. A.* Gendering World Politics : Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York : Columbia University Press, 2001. 200 p.
20. URL: <http://ex-army.blogspot.mx/2014/02/putin-vs-obama.html> (дата обращения: 25.11.2014).
21. URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/24/americabiaka/> (дата обращения: 25.11.2014).
22. URL: http://vk.com/wall-38121615_1018044 (дата обращения: 01.11.2014).
23. URL: <https://twitter.com/Rogozin/status/494919386185355264/photo/1> (дата обращения: 01.11.2014).